

ИСТОРИЯ

УДК 94 (47).082

М.М. Леонов*

КАМПАНИЯ ГАЗЕТЫ «ГРАЖДАНИН» В ПОДДЕРЖКУ И.А. ВЫШНЕГРАДСКОГО

Великие реформы раздвинули границы возможностей и свобод для периодической печати России. Этим воспользовались представители активного общества и придворные группировки. В статье рассмотрена публичная кампания 1886–1887 годов, в ходе которой газета «Гражданин», подконтрольная князю В.П. Мещерскому, добивалась отставки министра финансов Н.Х. Бунге и назначения на его место «своего» человека, профессора И.А. Вышнеградского.

Ключевые слова: газетная кампания, периодическая печать, публицистика, протезирование, патронат, клиента, чиновники.

«Вы пустили в ход новую кандидатуру на министерство финансов», — заявила князю В.П. Мещерскому одна светская дама в конце 1885 года (Гражданин. 1885. № 96. С. 13). Речь шла о профессоре Петербургского технологического института Иване Алексеевиче Вышнеградском.

Князь В.П. Мещерский хорошо знал И.А. Вышнеградского и привечал его в своем салоне. Газета «Гражданин», издававшаяся Мещерским, сочувственно отзывалась о Вышнеградском, называя его «замечательным умом», способным навести порядок в русских финансах. На фоне этих публикаций карьера Вышнеградского стремительно пошла в гору. В 1886 году он получил назначение в Государственный совет, а в январе 1887 года стал управляющим Министерством финансов.

Газетная кампания в поддержку И.А. Вышнеградского наглядно продемонстрировала изменения в практике селекции и продвижения кандидатов на государственные должности в пореформенную эпоху. Борьба за интересы «своих» просочилась в периодическую печать. Протезирование становилось публичным.

Возвышение человека, прежде не занимавшего значительных постов в чиновном мире, привлекло внимание современников. Назначение Вышнеградского связывали с усилиями ряда влиятельных изданий, прежде всего «Московских ведомостей» и «Гражданина». Именно эти газеты поддерживали кандидатуру И.А. Вышнеградского и критиковали

политику действовавшего министра финансов Н.Х. Бунге. По образному выражению П.А. Зайончковского, Н.Х. Бунге «систематически поливался потоками различных помоев» со страниц изданий Мещерского и Каткова [3, с. 88].

Карьерный путь и идеи Вышнеградского основательно исследованы отечественными историками, особенно выделяются фундаментальные работы В.Л. Степанова [1; 6; 7]. В данной статье рассмотрена публичная кампания газеты «Гражданин» до и после назначения И.А. Вышнеградского управляющим Министерством финансов, какой она имела резонанс и какие приемы использовались для продвижения или дискредитации должностных лиц.

В фокусе исследования находится важнейший раздел «Гражданина» — «Дневник». В отличие от других материалов, подготовленных наемными авторами или вовсе перепечатанными из других изданий (особенно часто — из «Правительственного вестника» и «Нового Времени»), «Дневник» писался В.П. Мещерским лично. Как следствие, он наилучшим образом отражал персональное участие издателя газеты в кампании.

Характерная черта кампании состоит в том, что после назначения И.А. Вышнеградского на должность управляющего Министерством финансов она не прекратилась, а приобрела новое качество. Поэтому хронологические рамки данного исследования охватывают два этапа, растянувшиеся на пол-

* © Леонов М.М., 2017

тора года: на первом этапе (1886 год) велась борьба за министерское кресло, а на втором (первое полугодие 1887 года) осуществлялось публичное обоснование политики нового управляющего Министерством финансов.

За обозначенный промежуток времени И.А. Вышнеградский был упомянут в «Дневнике» 59 раз. Впервые в 1886 году В.П. Мещерский написал о нем в сдвоенном номере «Гражданина» № 31/32 от 20 апреля. Тогда имя Вышнеградского прозвучало пятикратно в связи с назначением его членом Государственного совета. Следует отметить, что в «Дневнике» не обнаруживается следов подготовительной работы к этому назначению: в первых тридцати выпусках «Дневника» за 1886 год о Вышнеградском не было ни слова.

Виток карьеры Вышнеградского был встречен «Гражданином» с большим энтузиазмом. Издатель газеты не упустил случая напомнить, что прежде он неоднократно отмечал достоинства нового члена Государственного совета: «Читатели “Гражданина” уже давно знакомы с личностью И.А. Вышнеградского как с необыкновенно умною финансовой головой, из моих Дневников, в которых не раз о нем говорилось, а потому, вероятно, они разделят со мною искреннюю радость о таковом событии... возвращающем в самое нужное, трудное и острое время надежду увидеть поворот нашей финансовой политики в менее странную и менее иностранную дорогу» (Гражданин. 1886. № 31/32. С. 21).

Как видно из цитаты, «Гражданин» выражал надежду на дальнейший карьерный рост Вышнеградского. Эта надежда подкреплялась неординарностью самого назначения. Вышнеградский разом перемахнул через несколько уровней и из скромного члена совета министра народного просвещения поднялся в Государственный совет. Не только Мещерский, но и его современники увидели в этом событии предвестник больших перемен. Иронично называя свои прогнозы «чиновничьей астрологией», Мещерский сформулировал витающий в воздухе вопрос: «...не есть ли это подготовительное положение для занятия места во главе финансового нашего управления?» (Гражданин. 1886. № 31/32. С. 21).

Прогноз прозвучал, но полной ясности не было еще долго. В июне 1886 года Мещерский опубликовал в «Дневнике» слухи, прямо противоречившие прежним. По обыкновению он вложил эти слухи в уста «петербургских кумушек». Это был излюбленный прием Мещерского: он прятался за спинами безымянных «кумушек» и «матрон» и уходил от любой ответственности. Мещерский уверял, что эти слухи ему сообщили в столичных гостиных, но, разумеется, никто из современников не мог проверить, правда это или нет. Сегодня верифицировать эту информацию еще сложнее. Впрочем, нам достоверно известно, что иногда Мещерский приписывал «кумушкам» то, что не решался сказать сам. В этом

он признался в воспоминаниях, рассказывая историю о назначении Д.А. Толстого министром внутренних дел в 1882 году (4, с. 510–511).

Ссылаясь на салонных «кумушек», в «Дневнике» от 26 июня 1886 года Мещерский сообщил, что И.А. Вышнеградский сменит К.Н. Посыета на посту министра путей сообщения, в то время как на место Н.Х. Бунге придет совсем другой человек. «Все кумушки болтают!» – заключил Мещерский, выражая сомнение в обнародованных им же слухах (Гражданин. 1886. № 51. С. 21).

Чего ради «Гражданин» печатал эти домыслы? Едва ли они появлялись случайно. Мне представляются уместными два толкования. Во-первых, публикация слухов подогрела интерес к газете в бюрократических кругах. Во-вторых, высказывания «кумушек» могли быть составляющей кампании по продвижению «своих» людей на нужные посты. Нельзя исключить, что ложные слухи о министерских перестановках в июне 1886 года были своего рода отвлекающим маневром, продиктованным логикой придворной борьбы.

После этой публикации тема Вышнеградского исчезла со страниц «Дневника» на сорок с лишним номеров. Лишь в ноябре 1886 года Мещерский вновь придал огласке салонные разговоры о назначении Вышнеградского в члены высшего финансового комитета. Череда великосветских пересудов сопровождалась традиционной оговоркой «от одной матроны слышал». Помимо прочего, речь шла о Вышнеградском: «...слышу толки про назначение в члены высшего финансового комитета И.А. Вышнеградского. Назначение это и поездка его вследствие этого для представления в Гатчину произвели большую сенсацию в мире высших государственных людей» (Гражданин. 1886. № 95. С. 16).

Примечательно, что назначение в члены высшего финансового комитета никак не анонсировалось в «Дневнике». Это не означает, что Мещерский на время отстранился от участия в судьбе Вышнеградского. Как раз напротив. Из воспоминаний Е.М. Феоктистова известно, что автор «Дневника» ездил в Гатчину, встречался с императором Александром III и настойчиво просил его заменить Н.Х. Бунге на посту министра финансов другим человеком. Мещерский передал Феоктистову суть этого разговора: «...я ничего не утаил от его величества; он дозволил мне беспрепятственно излить все, что накопилось у меня на душе; мало этого, – я указал на единственного человека, который настолько обладает сведениями, способностями и опытностью, что в состоянии спасти нас от разгрома... дело идет о Вышнеградском» [8, с. 236].

Не вызывает сомнения, что хлопоты Мещерского и других лиц имели успех. В конечном счете именно Вышнеградский стал главным кандидатом на министерский портфель. Вот только на страницы «Дневника» попадали лишь отголоски событий. Мещерский

сообщал читателю гораздо меньше, чем знал. Информация дозировалась и подавалась с некоторой осторожностью. Даже публикации о Вышнеградском, всегда сочувственные, трудно назвать назойливой рекламой, поскольку они выходили с перерывами в несколько месяцев и шли, как правило, за информационным поводом, а не предвосхищали его.

Напрашивается вывод, что газетная кампания была хотя и значимым, но второстепенным по важности инструментом политической игры. Так ли это? Попробуем разобраться. Вот диаграмма упоминаний И.А. Вышнеградского в «Дневнике» за период с января 1886 по июнь 1887 года с разбивкой по месяцам.

На диаграмме четко вырисовываются два всплеска, первый из которых датируется маем 1886 года (он обусловлен апрельским назначением Вышнеградского в Государственный совет), а второй — январем 1887 года (когда Вышнеградский встал во главе Министерства финансов). Здесь хорошо заметно отсутствие сколь угодно масштабной информационной атаки накануне события; напротив, за каждым из двух назначений тянется шлейф публикаций.

Выдвижение И.А. Вышнеградского на пост руководителя финансового ведомства предполагало устранение с этого поста действующего министра. По сути, «Гражданин» вел параллельно две кампании: одну в поддержку И.А. Вышнеградского, другую против Н.Х. Бунге. Рассмотрим динамику упоминаний о Бунге на страницах «Дневника».

Вторая диаграмма похожа на первую. Главное отличие — многочисленные упоминания января 1886 года, когда в образованном обществе носились слухи о скорой отставке Н.Х. Бунге. Позже эти слухи были опровергнуты. С марта 1886 года по январь 1887 года, как можно заключить из сопоставления диаграмм, бюрократические судьбы Бунге и Вышнеградского оказались увязанными. Характерно совпадение двух пиков упоминаний (май 1886 года и январь 1887 года). Публикации «Дневника» о действующем министре и его потенциальном преемнике были продиктованы логикой борьбы за интересы локальной сети В.П. Мещерского. В связи с этим кампанию против Бунге интересно рассмотреть на фоне кампании в поддержку Вышнеградского.

Но прежде мне хотелось бы высказать несколько принципиальных соображений по поводу подсчетов и диаграмм. Нельзя абсолютизировать цифры.

Число упоминаний — еще не свидетельство переломных событий. Порой единственное упоминание могло оказаться более значимым, чем десяток. Кроме того, бывали случаи, когда в «Дневнике» о человеке говорилось косвенно, намеком либо же с указанием должности, но без упоминания фамилии. Подобные случаи в диаграммах не учтены. Тем не менее при всех ограничениях и оговорках количество упоминаний фамилии должностного лица — это неплохой ориентир, позволяющий проследить основные вехи газетной кампании.

Теперь обратимся к претензиям «Дневника» в адрес Н.Х. Бунге. Из публикаций «Гражданина» следует, что источником недовольства стал кризис русских финансов и зависимость от берлинской биржи. На первый взгляд главной мишенью «Дневника» был не Бунге, а положение дел в его министерстве. Это была обдуманная стратегия. Критикуя промахи отдельных чиновников и общую неразбериху в финансовом ведомстве, Мещерский косвенно указывал на несостоятельность министра.

Излюбленной темой «Дневника» стало засилье «подпольных деятелей» в Министерстве финансов. Этим термином обозначались люди, не имевшие определенного статуса, но в силу близости к министру исподволь влиявшие на решение важных вопросов. Публикации «Дневника» подталкивали к мысли, что эти вопросы решались за известную мзду, а иногда и в интересах антиправительственного лагеря. «Кто служил в каком-либо министерстве, тот легко поймет, что значит эта подпольная деятельность и как при самых благонамеренных начальниках может их именами прикрываться общение подпольных чиновников с врагами порядка и друзьями анархии», — подчеркивал Мещерский (Гражданин. 1886. № 3. С. 14). Иные из подпольных деятелей, по словам Мещерского, впоследствии получили официальные должности в министерстве, без всякого учета их сомнительной биографии. Публицист утверждал: «...в министерстве финансов назначение должностных лиц в разные второстепенные должности производится без принятия на себя министерством обязанности расследовать: заслуживают ли доверия назначаемые лица, или не заслуживают» (Гражданин. 1886. № 4. С. 13).

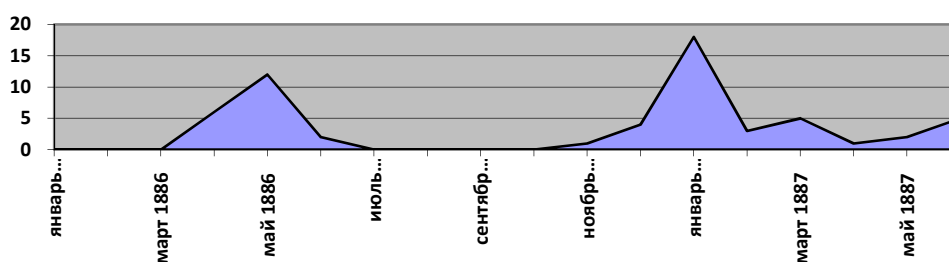

Рис. 1. Упоминания И.А. Вышнеградского в «Дневнике» (январь 1886 — июнь 1887)

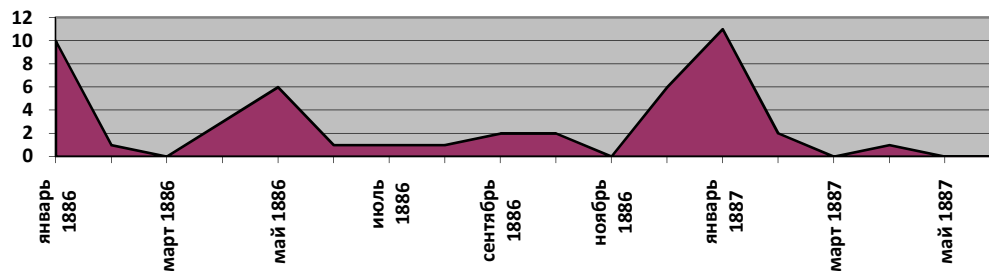

Рис. 2. Упоминания Н.Х. Бунге в «Дневнике» (январь 1886 — июнь 1887)

Обвинение на грани фола. Чтобы избежать судебных разбирательств, Мещерский исключал связь Н.Х. Бунге с антиправительственным лагерем. Более того, имя Бунге почти никогда не встречалось в тех публикациях, где заходила речь о беспорядках в министерстве. Однако вина министра подразумевалась. Все эти публикации рикошетом били по репутации Бунге и, несомненно, раздражали как его самого, так и чиновников его ведомства.

Персональные нарекания в адрес Бунге высказывались с осмотрительностью. Так, в «Дневнике» от 4 декабря 1886 года, не называя фамилии, Мещерский упрекал министра финансов «в отсутствии или неясности благих и прекрасных намерений». Эта претензия кажется надуманной, но в арсенале Мещерского такие расплывчатые формулировки встречались сплошь и рядом. По мнению публициста, у прежних министров «прекрасные намерения» имелись, а вот Бунге повел дело так, что «здравомыслящий человек теряется в непонимании главного: чего хочет это финансовое управление» (Гражданин. 1886. № 98. С. 14).

По существу, в этой критике было больше эмоций, чем доводов, однако лейтмотив был ясен. Между строк «Дневника» проскальзывала мысль, что Бунге должен уйти в отставку.

Мещерский не писал об этом прямо. Он вновь укрылся за фигурами салонных «кумушек». Так, в дневнике от 29 декабря 1885 года со ссылкой на салонные сплетни говорилось: «...министр уходит». При этом была произнесена фамилия Бунге. Через несколько дней Мещерский вернулся к этому сюжету. Он заявлял: «...ходят упорные и настойчивые слухи об уходе министра финансов. Мне говорили, что будто он остается еще на эти три месяца в своей должности для окончания начатых им дел и затем оставляет свой пост и уезжает. Другие даже говорили мне, что он уезжает в Африку» (Гражданин. 1886. № 1/2. С. 21). В публикации были упомянуты два возможных преемника Бунге — государственный контролер Д.М. Сольский и министр государственных имуществ М.Н. Островский. О Вышнеградском не было ни слова. Размышляя по поводу слухов, Мещерский не удержался от выпада в адрес министра. По его словам, тот, кто придет на смену Бунге, столкнется с «неимоверно трудной задачей»:

привести в порядок финансы и навести порядок в Министерстве финансов.

Следует сказать отдельно несколько слов по поводу разговоров об отъезде Бунге в Африку. Известный публицист Б.Б. Глинский, не питавший теплых чувств к Мещерскому, писал, что «сиятельный публицист» провожал министра финансов песенкой, популярной в кабаках: «Nach Kamerun, nach Kamerun, nach Afrika» [2, с. 671, 675]. Действительно, в одном из номеров за 1886 год были напечатаны такие слова, вот только относились они к совсем другому лицу, немцу по происхождению. Очевидно, Глинский разглядел здесь завуалированный намек на Бунге, который также имел немецкие корни.

Наконец, в конце 1886 года стало ясно, что отставка Бунге неминуема. В «Дневнике» об этом информации меньше, чем мог бы сказать Мещерский. Видимо, не желая излишне афишировать свое участие, он сообщал читателю: «...по городу пошли слухи об отставке министра финансов» (Гражданин. 1886. № 100. С. 16). Нет оснований сомневаться в том, что Мещерский точно знал фамилию преемника, однако на страницах «Дневника» он подпустил тумана, сообщая, что молва «будто» отдает ответственный пост Вышнеградскому.

Резюмируя итоги кампании против Бунге, нужно отметить, что на ранней стадии она, по видимому, носила самостоятельный характер, но с известного момента стала вторичной по отношению к кампании в поддержку Вышнеградского. Желание добиться отставки «плохого» министра у Мещерского гармонично совпало с желанием продвинуть на освобождающийся пост человека из своего круга. Поворотным моментом стал № 31/32 «Гражданина» за апрель 1886 года, когда Вышнеградский был назначен в Государственный совет. Это хорошо заметно по числу упоминаний в «Дневнике». Так, в первых тридцати выпусках 1886 года Н.Х. Бунге был упомянут в «Дневнике» 11 раз, И.А. Вышнеградский — ни разу. Новость о назначении Вышнеградского в Государственный совет радикально изменила расклад: за период с апреля по ноябрь имя Н.Х. Бунге в «Дневнике» прозвучало 16 раз, И.А. Вышнеградского — уже 21. Наконец, последний виток кампании, связанный со слухами о смене министра, а затем и с реакцией на состоявшуюся замену, пришелся на декабрь

1886 года – январь 1887 года. В это время Бунге упомянут в «Дневнике» 17 раз, Вышнеградский – 22 раза.

Критические стрелы «Дневника» били в две цели: во-первых, в недостатки кадровой политики министерства, а во-вторых, на беспорядок в делах, повлекший за собой зависимость русской финансовой системы от берлинской биржи. Создавалось впечатление, что первая проблема определяла вторую, и для решения обеих требовались кадровые перемены. Таким образом, Вышнеградскому отводилась роль спасителя Министерства финансов. «Наше финансовое положение крайне неутешительно, – писал Мещерский 6 февраля 1887 года. – Надо отдать справедливость отошедшему к усаде отдохновения министру финансов, почтенному Н.Х. Бунге: никогда еще ни один министр финансов в России не уготовывал, в виде наследства, своему преемнику такое безвыходное положение, как то, которое Н.Х. Бунге преподнес И.А. Вышнеградскому» (Гражданин. 1887. № 12. С. 14).

Мещерский с удовлетворением отмечал, что назначение Вышнеградского на должность управляющего министерством финансов вызвало большой общественный резонанс. Спрос на новость был так велик, что в то утро номер «Правительственного вестника» продавался по 50 копеек. Не меньший эффект произвело и перемещение Бунге на должность председателя комитета министров.

О Вышнеградском заговорили. В «Дневнике» за январь 1887 года он упомянут 18 раз. По обыкновению Мещерский не скупился на похвалы устами «салонных кумушек». Так, одна дама якобы говорила другой, что Вышнеградский встает очень рано, и в 8 часов утра приходит в министерство. В другом январском выпуске «Дневника» был живописно изображен дворцовый прием, на котором присутствовал свежее испеченный управляющий Министерством финансов. В толпе звучали фразы: «Где Вышнеградский, покажите мне его» (Гражданин. 1887. № 3. С. 13).

Казалось бы, в январе 1887 года кампания должна была завершиться. Однако публикации «Дневника» о Вышнеградском и дальше шли с завидным постоянством. Стартовал второй этап кампании – публичное обоснование деятельности Вышнеградского на высоком посту. Вехи этого этапа видны на диаграмме (см. рис. 3).

При любом удобном случае «Гражданин» горой становился на защиту Вышнеградского. Публикации такого рода стали появляться в конце 1886 года. В ту пору ходили слухи, что Вышнеградский играл на бирже бумагами общества взаимного поземельного кредита и нажил два с половиной миллиона рублей. Мещерский высказал твердое убеждение в несостоятельности слухов, поскольку подобная игра стала бы «отличнейшим поводом для врагов и недоброжелателей усиливать свою агитацию против И.А. Вышнеградского» (Гражданин. 1887. № 1. Дневник. 29 декабря. С. 16).

Другой пример. В «Дневнике» от 23 февраля 1887 года Мещерский писал, что в Берлине нарочно понижают «наш курс» на бирже в пику Вышнеградскому. По мнению Мещерского, «в Берлине всем немцам... Вышнеградский бесконечно противен», поскольку он «умный человек» и стремится «уничтожить экономическую опеку Берлина над Петербургом». Эта мысль проходила рефреном через несколько номеров газеты. В одной из мартовских публикаций говорилось: «...берлинской бирже сильно не по вкусу И.А. Вышнеградский» (Гражданин. 1887. № 21. С. 14).

«Гражданин» тщательно отслеживал инициативы нового управляющего Министерством финансов. Особенно много внимания газета уделила проекту Вышнеградского о введении пошлины награничные паспорта. Именно с этим замыслом связаны два всплеска, относящиеся к марту и июню 1887 года (см. рис. 3). Суть проекта была изложена в заметке «Пошлина награничные паспорта», опубликованной в «Гражданине» № 25 за 1887 год. Там говорилось, что министерство финансов внесло в Государственный совет проект обложенияграничных паспортовновой пошлиной. Наименьшая плата, 30 рублей золотом, ожидалась за паспорт сроком на 3 месяца. За паспорт сроком на год предполагалось взимать 180 золотых рублей, а за паспорт свыше одного года – 360 золотых рублей в год.

В «Дневнике» от 23 марта 1887 года, опубликованном в том же номере «Гражданина», Мещерский живописал «бешенство» светских «матрон», возмущенных налогом на паспорта. Одна из «матрон» якобы набросилась с упреками на Мещерского: «Хорош ваш Вышнеградский... времена варварства хочет воскресить» (Гражданин. 1887. № 25. С. 15).

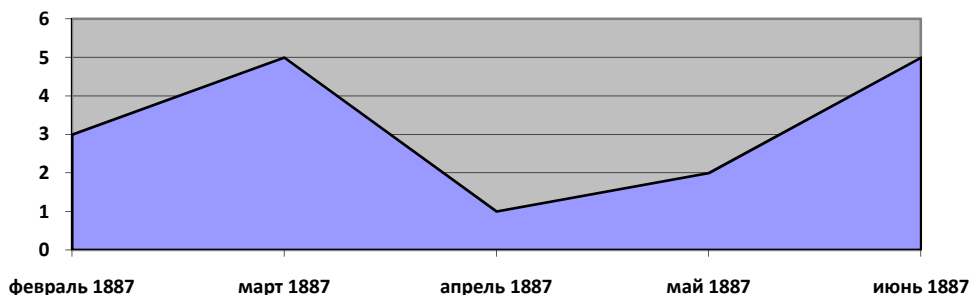

Рис. 3. Упоминания И.А. Вышнеградского в «Дневнике» (январь – июнь 1887)

В контексте данного исследования чрезвычайно любопытен оборот «ваш Вышнеградский». Не столь существенно, имел ли такой разговор место на самом деле, или был вымышлен автором «Дневника». Важнее другое. Пассаж «ваш Вышнеградский» был призван показать, что в сознании образованного общества укоренились представления о диадической связи Мещерского с Вышнеградским. Именно Мещерскому ставили в вину как возвышение Вышнеградского, так и его инициативы, в частности проект реформы паспортов.

Такое положение дел было на руку Мещерскому. Он много выиграл в глазах бюрократической элиты. Карьера Вышнеградского стал подтверждением осведомленности и силы «Гражданина».

Проект налога на паспорта давал удобный повод вновь и вновь писать о Вышнеградском. Складывается впечатление, что автор «Дневника» нарочно дразнил противников нововведения. В проекте реформы он находил государственную пользу: русская аристократия будет меньше ездить за границу и больше денег тратить в своей стране. Своих оппонентов «Дневник» рисовал в карикатурном ключе. Светские дамы, по словам Мещерского, сначала восторгались Вышнеградским, увидев в нем «человека из толпы», а затем дружно «отреклись» от него (Гражданин. 1887. № 29/30. С. 19).

В конечном итоге общественный протест не дал проекту Вышнеградского обрести силу закона. От крупных сумм паспортных сборов пришлось отказаться. «Матроны» торжествовали. В «Дневнике» от 14 июля 1887 года Мещерский изложил свой якобы имевший место разговор с одной из участниц полемики. Эта особа сорвала голос и приобрела «патриотический охрип», критикуя Вышнеградского. Вот ее слова: «...я так много кричала против злодея Вышнеградского и его проекта обложения иностранных паспортов, что до сих пор не могу поправиться»; «...советую не только Вышнеградскому, но и всем министрам теперь держаться»; «...мы теперь поняли всю силу наших криков» (Гражданин. 1887. № 49. С. 14).

Неудача реформы никак не повлияла на риторику «Дневника». На деле Мещерского не так уж сильно волновала судьба проекта паспортной реформы, и он легко отбросил эту тему, лишь только она утратила политическую остроту. Куда важнее для него было подчеркнуть единство своих взглядов с главой финансового ведомства, подспудно намекая на товарищеские отношения с ним. Курс на защиту Вышнеградского рельефно проявился в опубликованной в «Дневнике» беседе с неназванным крупным чиновником, «одним из отцов отечества». Этот чиновник характеризовал Вышнеградского как человека, чуждого бюрократическому миру, незнакомого с его неписаными правилами, слишком похожего на делового человека и недостаточно на государственного. Мещерский не оспаривал наблюдений собеседника, но отметил, что Вышнеградский способен сделать для России глав-

ное: сократить дефицит бюджета. «Вот, если год минет, и окажется, что не только дефицит не уменьшился, но увеличился, тогда я вам отдаю новое министерство финансов на съедение; а пока подождем», — заключал Мещерский (Гражданин. 1887. № 41. Дневник. 19 мая. С. 15-16).

Подведем итоги. В пореформенную эпоху российская печать включилась в процесс подбора кандидатур на высшие государственные должности. Разумеется, это участие не было решающим. Изученный нами пример продвижения И.А. Вышнеградского на пост министра убеждает в том, что кампания велась, что называется, с оглядкой. Это было особенно заметно в части прогнозирования предстоящих назначений. Автор «Дневника» избегал говорить от своего имени, зато систематически ссылаясь на слухи, разносимые «матронами» и «кумушками».

В России, как и в других государствах, протезирование было неотъемлемой частью общественной жизни. Однако по традиции акт протезирования прятался от посторонних глаз. За «своих» просили в личной беседе или посредством рекомендательного письма. Надо отметить, что восхождение И.А. Вышнеградского к министерским высотам не обошлось без этих традиционных элементов, и тот же князь В.П. Мещерский ездил в Гатчину, чтобы в личной беседе убедить царя в достоинствах своего протеза. Подключение газеты вынесло назначение министров в плоскость общественной дискуссии и открыло возможности для публичного протезирования.

Газетная кампания, разобранный в данной статье, состояла из двух этапов, причем второй пришелся на время, когда И.А. Вышнеградский возглавил Министерство финансов и по большому счету перестал нуждаться в поддержке «Гражданина». Однако князь Мещерский не прекращал своих усилий. Изученная нами совокупность фактов приводит к заключению, что миссия газеты «Гражданин» заключалась не только в том, чтобы помочь Вышнеградскому, но и в том, чтобы оттенить участие Мещерского в его судьбе. Имя нового управляющего министерством продолжало мелькать в публикациях «Дневника». «Ваш Вышнеградский», говорили Мещерскому, и тот предпринял массу усилий, чтобы сохранить Вышнеградского «своим». Второй этап кампании был призван подчеркнуть авторитет и силу Мещерского в придворном мире и тем самым обеспечить интересы его локальной сети: того круга лиц, которые были связаны с редакцией его газеты или вовлечены в орбиту его салона.

Библиографический список

1. Байбиков В.Ю. Консерваторы и подготовка денежной реформы в России (1880–1890) // Деньги и кредит. 2013. № 8.
2. Глинский Б.Б. Период твердой власти // Исторический вестник. 1912. Т. 129.

3. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970.

4. Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2001.

5. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова: в двух томах. Т.2. 1887–1892. М., 1966.

6. Степанов В.Л. Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М., 1998.

7. Степанов В.Л. Предпосылки денежной реформы С.Ю. Витте: политика министра финансов И.А. Вышнеградского (1887–1892) // Отечественная история. 2004. № 5.

8. Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. М., 1991.

2. Glinsky B.B. *Period tverdoi vlasti* [Period of strong state power]. *Istorichesky Vestnik*, 1912, Vol. 129 [in Russian].

3. Zayonchkovsky P.A. *Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletii (Politicheskaiia reaktsiia 80-kh – nachala 90-kh godov)* [Russian autocracy at the end of the XIX century (The political reaction of the 80-ies – early 90-ies)]. М., 1970. [in Russian].

4. Meshchersky V.P. *Vospominaniia* [Memories]. М., 2001. [in Russian].

5. Polovtsov A.A. *Dnevnik gosudarstvennogo sekretaria A.A. Polovtsova: V dvukh tomakh. T. 2. 1887–1892* [Diary of the State Secretary A.A. Polovtsov: In 2 Vols. Vol. 2. 1887–1892]. М., 1966. [in Russian].

6. Stepanov V.L. *N.Kh. Bunge: sud'ba reformatora* [N.Kh. Bunge: the fate of the reformer]. М., 1998. [in Russian].

7. Stepanov V.L. *Predposylki denezhnoi reformy S.Iu. Vitte: politika ministra finansov I.A. Vyshnegradskogo (1887–1892)* [Preconditions of the monetary reform by S.Yu. Witte: the policy of the Minister of Finance I.A. Vyshnegradsky (1887–1892)]. *Otechestvennaia istoriia*, 2004, no. 5. [in Russian].

8. Feoktistov E.M. *Za kulisami politiki i literatury. 1848–1896* [Behind the scenes of politics and literature. 1848–1896]. М., 1991. [in Russian].

References

1. Baibikov V.Yu. *Konservatory i podgotovka denezhnoi reformy v Rossii (1880-1890)* [Conservatives and preparation of financial reform in Russia (1880–1890)]. *Den'gi i kredit* [Money and credit], 2013, no. 8 [in Russian].

M.M. Leonov*

NEWSPAPER *GRAZHDANIN*'S CAMPAIGN IN SUPPORT OF I.A. VYSHNEGRADSKY

The Great reforms expanded the scope of possibilities and freedoms for the printed media of Russia. The representatives of active society and court groupings used this opportunity. In the article the public campaign of 1886–1887 in the process of which the newspaper «Grazhdanin», under the control of the knyaz V.P. Meshcherskiy, sought the resignation of the minister of finance N.Kh. Bunge and appointment on his place of an insider, professor I.A. Vyshnegradsky.

Key words: newspaper campaign, printed media, journalism, favouritism, protectorship, clients, civil servants.

Статья поступила 12/III/2017.

The article received 12/III/2017.

* Leonov Mikhail Mikhailovich (mmleonov@gmail.com), Department of Russian History and Historiography, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.